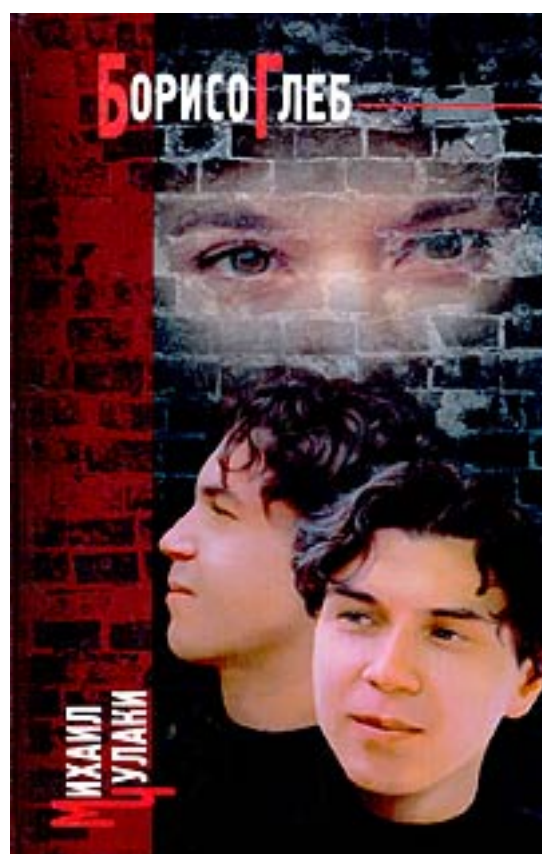

Михаил Чулаки Борисоглеб

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=145223

*Чулаки М. Борисоглеб: Авторский сборник: Продолжение Жизни; М.; 2004
ISBN 5-94730-040-0*

Аннотация

Повесть «Борисоглеб» рассказывает о скрытой от посторонних глаз, преисполненной мучительных неудобств, неутоленного плотского влечения, забавных и трагических моментов жизни двух питерских братьев – сиамских близнецов.

Содержание

Михаил Чулаки	4
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Михаил Чулаки БОРИСОГЛЕБ

Борис проснулся, а Глеб еще спал. Значит, через минуту-другую проснется и Глеб. Какие-то гормоны бодрствования появляются в крови, ударяют в голову – и будят брата. Но эта минута – минута почти одиночества, минута, принадлежащая только Борису.

Он успел подумать, что сегодня день рождения, появятся гости: двоюродная сестра Леночка и противный Иван Павлович. Но в такой день сойдет и Иван Павлович: лишь бы гости, лишь бы не праздновать между собой.

– Ленка придет и Палыч противный, – сказал Глеб.

Проснулся.

Глеб неведомо как понял, что брат проснулся первым, потому и заговорил. Понял, хотя Борька молчал и лежал тихо, затаился. Только они так могут – чувствовать и за себя, и за другого. Потому что у них кровь – общая.

Такими Борис и Глеб родились семнадцать лет назад – сросшимися. От таза почти до подмышек. Сосуды, связки, мышцы образовали обширное средостение. От этого внутреннее их руки – правая Бориса, левая Глеба – стиснутые плечами, так и остались недоразвитыми. Можно ими почесаться, можно придержать чашку за столом, но уже поднять ту же чашку, поднести ко рту не хватает сил. Зато кожа на маленьких ладошках нежная и очень чувствительная, потому и называют они свои внутренние ручки – щупальцами. Сейчас Глеб пошевелил своим щупальцем и пощекотал Борьку.

Борис не хотел, а захихикал, но сквозь невольный смех закричал зло:

– Ты ж знаешь!.. Опять!

Знает Глеб, прекрасно знает, что Борька боится щекотки – потому и щекочет. А то бы и неинтересно.

Борис защищался своим щупальцем, они толкались плечами, так что тахта застонала от их толкотни.

Спали они в эту ночь на спинах. Это как договориться с вечера: на живот ложиться или на спину. Глеб считал, что ему трудней вылежать всю ночь на спине, потому что Борька более толстокожий; Глеб с удовольствием сменил бы позицию раза четыре, да Борька очень злится, если его разбудить: можно испортить интересный сон.

Глебу сегодня и самому досталось во сне интересное кино: всю ночь показывались бабы – в разных видах. И сестра Ленка, и какая-то незнакомая. Если спать на животах, бабы снятся еще отчетливее, но и на спинах куда от них не денешься.

– Чего снилось? – спросил Глеб.

Борис иногда любил рассказывать сны, а иногда – нет.

Ведь сон – это единственный кусок его собственной жизни, куда никто не смеет влезть без спроса. Во сне он почти всегда ощущал себя отдельным, не прикованным к брату – а значит, свободным. Этой ночью во сне Борис плавал в бассейне вместе с совсем голой Леной – и это никого не касалось, кроме него.

Бассейны Борис с Глебом видели только по телевизору, потому что не могли они идти на самом деле в бассейн, не могли раздеваться при всех, чтобы глазели на них как на бегемотов в зоопарке. Как на маленьких жирных бегемотиков... Они вообще восемь лет никуда из дома не выходили, а уж тем более – в бассейн. Глядят каждый день и час не на зеленую воду, а на зеленые обои. Когда-то казалось красиво, как только оклеили («Смотрите, мальчики, какая изумрудность изумительная!» – воскликнула мама), а теперь от этой изумрудности тоска. Недаром говорят: «тоска зеленая».

– А, не помню. Ерунда всякая, – отозвался Борис и сам тоже пощекотал брата.

– Врешь. Небось, Ленку драл.

Глеб злился, потому что Борька вечно чего-то строит из себя.

Чтобы не отвечать, Борис дернулся их общим боком:

– Встаем. Дупелиться охота.

Так они называют походы в уборную. «Дупель-шесть» означает серьезное сидение, а «дупель-два» – веселое журчанье струй.

– Лежи! – резко дернул боком и Глеб.

Глеб уже и наяву видел Ленку, видел словно бы всех женщин сразу – и ничего другого не хотелось на всем свете, кроме как схватить сорок тысяч сестер разом сильной своей рукой, а чувствительное щупальце пустить шарить по прекрасному телу... Ага, Борька тоже задышал.

Приступ желания, охвативший Глеба, с кровью передался и Борису. В первый миг всегда противно чувствовать, как с кровью вливается чужое желание, противно убеждаться снова и снова, что даже кровь в жилах несобственная, что брат не только прикован снаружи к правому боку, но и вторгается изнутри...

Но протест не может длиться долго. Чужое желание становится своим, затмевает мысли, и Борису тоже захотелось только одного: схватить женщину, прижать к себе и щупать, щупать...

А Глеб, не помня себя, уже торопил желание – рукой.

Ничто на свете не может сравниться с таким наслаждением!

И он достиг предела, липкий теплый студень испачкал ему пальцы – и тотчас сделалось противно и стыдно. Глеб вытер пальцы о простыню и покосился на брата.

Борька еще дышал тяжело, глаза закрыты – не кончил.

А Борис испытывал смешанное со страхом наслаждение.

Зараженная желанием кровь брата сделала свое дело – и Борис изверг свою страсть даже не прикладывая рук. Отчего сделалось противно вдвойне.

Если бы с этой минуты навсегда оставаться чистыми и никогда больше не погружаться в эту сладкую липкую грязь!..

– Пошли дупелиться, – вяло позвал Глеб.

Встают они тоже – особенно. Их широкая тахта не имеет спинки со стороны ног, и они сползают вниз, ерзая спинами, пока не спустятся ноги и можно будет сесть. Ну а дальше – легче. Разом надевают громадные широкие трусы, которые шьет мама. Потом рубашку – тоже общую с двумя проемами для голов и рукавчиками посреди широкой двойной груди для ручек-щупалец. Наконец-то встали. Пошли.

Ногами они ступают всеми четырьмя. Только медленно и неловко. Сначала выносятся вперед обе внутренние ноги, а вместе с ними выдвигаются вперед и внутренние плечи, так что животы как бы отворачиваются друг от друга, или вернее, брат от брата. А затем шагают разом наружные ноги, вынося вперед и наружные плечи, животы же почти соприкасаются, а если сделать широкий шаг, то большие мягкие их животы сталкиваются, целуясь пупками. Если бы двустворчатая ширма могла ходить, она бы передвигалась таким же способом: складываясь-раскладываясь, складываясь-раскладываясь...

В узкую уборную им иначе как боком не войти. Да и не поместиться бы там вдвоем, если бы не была убрана стенка между уборной и ванной. Ну а к унитазу приходится причаливать по очереди: один сидит, а другой висит в ожидании. Да к тому же, когда наступает очередь Глеба, ему приходится садиться под прямым углом к нормальному направлению, потому что слева от унитаза нет места, где бы мог зависнуть Борис.

Пока Борька пыхтел на унитазе, Глеб, чтобы легче держаться на весу, придерживался рукой за край ванны. Никогда они не принимали ванну, потому что вдвоем им в ней не поме-

ститься. Какое это, наверное, наслаждение: разнежиться в горячей воде. Но для них – только душ. И то Борька всегда спешит вырвать рожок, обливается сам и не отдает.

Потом, в свою очередь, уселся Глеб. Борис после облегчения парил почти в невесомости. И в тысячный раз думал о том, что если бы в детстве, когда им было лет пять или даже раньше, хирурги решились бы их оперировать, то в какой невероятной легкости они жили бы все время, каждую минуту! Жили бы врозь... то есть вместе, рядом – играли бы, ходили бы в школу, а может быть, и в бассейне бы занимались. Жить просто вместе – хорошо, но слишком вместе – ужасно...

Наконец они отдупились, помылись и добрались до стола. За стол они садятся плечом к плечу – почти как все нормальные люди. Может быть потому они сидят так подолгу. И съедают помногу. За столом никто из них не лишний!

Вошла мама.

Мама у них молодая и тоненькая. Они еще в детстве прозвали ее Мышкой. Если полнотой, то Белой Мышкой – не только волосы у нее совсем светлые, но и сама она беленькая и нежная, будто смазанная сметаной.

Маме разрезали живот, чтобы вынуть на свет их двоих вместе. Ну а теперь каждый из них толще ее в два раза.

– Мальчики, поздравляю! Прямо не верится, какие вы у меня взрослые!

Мама забежала сзади – она всегда скорее бежит, чем ходит, на то и Мышка – поцеловала каждого в затылок, в ухо, просунула свою головку между их головами, прижимаясь сразу обеими щеками к их внутренним щекам. А они только надували щеки, чтобы прижиматься сильнее.

Разом она и оторвалась, отбежала, вернулась:

– Мальчики, это вам! Посмотрите, какой цвет изумительный! Бирюза, чистая бирюза.

И она протянула им двойной свитер.

Мама не только шьет, но и вяжет сама. Да никто бы и не смог связать на них свитер, потому что фасон такой особый, какой не нужен больше никому на свете.

– Ну а сегодня вам овсяная каша! – объявила мама таким голосом, будто радостную весть сообщала. – С изюмом! Я специально для вас придумала с изюмом. А по-настоящему праздновать будем вечером.

– Да ну-у! – хором отозвались Борис и Глеб.

– Лучше бы яичницу с картошкой, – уточнил Борис. – И с жареным луком.

– Лучше бы сосиски с капустой, – уточнил и Глеб.

– Вот видите, вы и между собой не решили, что лучше.

А сосиски теперь, знаете, сколько стоят? И яйца тоже. Вы же новых цен не знаете. А от овсянки будете сильными.

А зачем им быть сильными, сидя дома, мама не объяснила.

Хорошо быть богатым и не думать, дорогие сосиски или нет, пожелал себе Борис на день рождения.

А Глеб подумал, что он заказывал бы жареную печенку, если бы не знал, какие цены. А он, хотя и сидит дома, но все знает.

За столом они сидят почти как нормальные люди. Глеб и ложку держит в правой руке, ну а Борис – в левой, потому что у него наружная сильная – левая. А тарелка у каждого отдельная, и чашка – отдельная. Совсем было бы интересно, если бы и ел каждый свое, но мама всегда готовит одно и то же на двоих. И только если бывают гости, и мама ставит на стол несколько закусок, они кладут себе разное: если Глеб – салат, то Борис – рыбу. А потом наоборот. Но гости бывают редко. А уж сами они ни к кому не ходят.

И в школу не ходят. Учатся дома по учебникам. Сейчас считается, что они в девятом классе. Хотя в чем-то уже захватили программу десятого. Иногда приходят учителя, спра-

шивают и ставят отметки. Общие на двоих. Бывали такие зануды, которые пытались спрашивать каждого отдельно, да еще чтобы другой не подсказывал, но наконец директор школы приказал специально для таких зануд, чтобы спрашивать вместе и отметку ставить общую, потому что отдельные знания каждому из них не нужны, если кто-то что-то забыл или не понял, другой всегда рядом, чтобы помочь: ведь и работать им придется только вместе, и встречаться с людьми по одиночке они никогда не смогут. В смысле работы, в смысле знаний они как бы один человек, хотя паспорта в прошлом году им выдали отдельные. Отвечать уроки вдвоем, все равно что маленькой командой отвечать на вопросы в игре «Что? Где? Когда?», которую они очень любят смотреть по телевизору. Только «Что? Где? Когда?», конечно, интереснее.

Готовят уроки они за тем же столом, за которым едят. И вообще читают, пишут. Письменные столы им не подходят, ведь все письменные столы рассчитаны на одного: двоим там ногами не поместиться между тумбами. Мама убрала тарелки, сняла обеденную клеенку, а под ней прикинута зеленая бумага – и вот уже стол стал как бы письменным. Мама и книжки положила, и тетрадки, чтобы им лишний раз не вставать.

Мама тоже не ходит на работу, потому что из-за таких особенных близнецов у нее много работы дома. Называется такая работа «по уходу», но уходить надолго она как раз и не может. Мама после их рождения переменила профессию, стала машинисткой, берет заказы на дом. У нее быстрые пальчики, и она берет любые срочные заказы. А когда-то до их рождения она была парикмахершей, и не просто, а «мастером-художником в мужском зале», как она всегда повторяет. Ее собирались послать на международный конкурс в Варшаву, а она вместо конкурса близнецов родила.

Отец от них давно ушел, но деньги по закону пока еще платит. До совершеннолетия. Значит, всего один год остался. А дальше – дальше надо бы им самим зарабатывать, чтобы маме меньше портить глаза над почерками заказчиков. Надо самим зарабатывать, потому что на инвалидную пенсию не проживешь. Они – инвалиды самой первой, самой больной группы. Все у них здоровое – сердца, головы, желудки, но они – инвалиды, и каждый из них болен родным братом, вырастающим из бока как громадная опухоль. И такая болезнь неизлечима.

Глеб отодвинул надоевшие тетради.

– Да ну их, неохота уроки делать. Успеем. Давай лучше сыграем.

Играют они иногда в шахматы. Доску приходится ставить боком к ним обоим, смотреть неудобно, но столько они терпят неудобств похуже, что о таком и говорить нечего.

– Да ну, – отозвался Борис, – лучше включим телек.

Вообще-то они играют одинаково, но Глеб чуть-чуть лучше. Непонятно почему. Так что Борис соглашается играть не так уж охотно: все-таки приятнее выигрывать, чем проигрывать.

Будь они обычными братьями, Борис мог бы смотреть телевизор, а Глеб пошел бы поискать себе партнера. Но они всегда должны делать одно и то же. Разве что могут читать в одно время разные книги.

Всего лишь год назад Борис думал, что если бы они родились такими же сращенными, но не двумя братьями, а братом и сестрой, все-таки жить было бы интереснее. Протянешь ночью руку, а у нее... Но учительница биологии им объяснила, что такое невозможно, что они по всем генам, ну и следовательно, по внешнему строению как бы один человек, только удвоенный. Учительница биологии, анатомии и физиологии. А сама такая молодая, что хочется изучать анатомию и физиологию прямо на ней...

– Да ну его, этот телек! – уперся Глеб. – И так только сидим и смотрим, как идиоты! Лучше сыграем.

Глеб когда чего-нибудь захочет, ни за что не отстанет.

– Да не хочу я играть! – Борис даже дернулся. – Тоже надоело: цапки переставлять. Они от мамы научились этому слову, и слово почему-то очень обидное.

Глеб тоже дернулся – в досаде. Он читал когда-то книжку «Отверженные». Они оба читали, но Глебу понравилось больше. Там описано, как раньше каторжникам приковывали ядро к ноге. Чтобы далеко не ушли – с ядром. Но оно хотя бы молчит, потому что железное. А если бы ядро все время спорило? Если бы не просто висело своей тяжестью, но и тянуло бы в свою сторону? Никакой каторжник бы не выдержал! А Глеб должен терпеть.

– А жрать тебе не надоело?! А спать?!

Такие внезапные вспышки бывают у обоих. У Глеба – чаще. Хотя и не разобрать иногда, с кого началось. Тем более, сразу передается от одного к другому – через кровь.

– С тобой на боку – надоело! Торчишь из меня – как чирей!

– Это ты торчишь! Как рак. Рак и есть.

И не разойтись по своим углам.

В такие минуты каждый инстинктивно тянет в свою сторону, – пока не сделается больно в средостении.

Глеб уперся щупальцем в шею Борису, тот в ответ схватил своим щупальцем брата за подбородок.

– Гнилой мешок!

– Прыщ идиотский!

– Пузырь!

Они не ходят во двор, не знают с уличными мальчишками, потому и ругаются не очень умело. Но оттого еще более зло.

Вбежала мама. Она оказалась в одной рубашке. Наверное, переодевалась, когда услышала крики. Братья устали на нее – и забыли про свою дурацкую драку.

Рубашка была почти прозрачная, мама казалась в ней особенно молодой.

– Мальчики! Мальчики! Чего вы?!

– Да ну! – сказал Борис, уставившись на мамины ноги.

– Это все он! – не удержался наябедничать Глеб, хотя тоже глядел на маму разинув рот.

– Нельзя вам ссориться, мальчики! Вы что? Вы должны всегда дружить! А как же иначе?

– Это все он, – повторил Глеб.

В другой момент Борис бы доспорил. И потому, что Глеб врал: ведь сам же все начал; и потому, что не любит ябед. Но сейчас он гладел на маму в короткой рубашке – и ему было не до спора.

– Не бойся, Мышка. Ну просто поговорили между собой, – необычным горловым голосом сказал Борис. – Давай теперь говорить вместе.

– Ничего себе – «между собой»! Мне в той комнате слышно. Я сначала подумала, телевизор.

Весь мир они узнали через телевизор. Не выходя из дома совершили несколько кругосветных путешествий.

– Мы бы и могли говорить – в телевизоре! – воскликнул Борис, осененный идеей. – И все бы смотрели. Больше чем на Ельцина.

– Смотрели бы – как на зверей! – зло ответил Глеб.

Глеб очень не любит, чтобы на них смотрели. Свои – те привыкли. А если приходят чужие – противно. Смотрят и в самом деле как на бегемотов в зоопарке. Борька тоже не любит, когда на них пялятся, но не так. Борька больше соглашатель.

– Чтобы смотрели прямо так – противно, – согласился Борис. – Вживую. А по телеку бы – ничего. По телеку – иначе. Потому что пялиться будут дома в свой ящик, а не прямо на нас. Зато заплатят.

– В цирке тоже – заплатят, – возразил Глеб, но не очень уверенно.

Довод, что смотреть будут не прямо на них, а через ящик, на Глеба подействовал. На экране все иначе. Те, кто показывается в телевизоре – особые люди. Как бы дворяне двадцатого века.

Правда, неплохо было бы похудеть ради телевидения. Здесь в своей невылазной квартире они сидят, не думая, как выглядят со стороны, а в телевизоре надо смотреться.

А еще: интересно ведь посмотреть на себя! В зеркале – не то. Вот показаться на экране – почти что снова родиться.

– Считай, Мышка, что мы тренировались перед телевизором, – окончательно успокоил маму Борис. – Репетировали. – Слово это непривычно прозвучало по отношению к братьям. – Не дрались мы вовсе, а репетировали.

Мама все еще стояла перед ними – в коротенькой рубашке.

– Значит, все в порядке, мальчики?

– А чего ты, Мышка, такая пришла? – хрипло спросил Глеб. Такая. Короткохвостая. Спать, что ли, собралась?

– Выйти надо. Как раз переодевалась.

– Перераздевалась! – захохотал Глеб.

– Ну, будьте умницами, – сказала мама. – Погода сегодня в честь вашего дня – изумительная!

Погода их не касалась, раз они восемь лет из дома не выходили. Их даже времена года не касаются.

– Ходит куда-то, – сказал Борис вслед маме. – Или к кому-то.

– К заказчикам, – подхватил Глеб. – К своему противному Палычу.

Раз отец давно их бросил, значит приходится подозревать заказчиков.

Иван Павлович тоже – заказчик. Вообще-то он какой-то экономист и приносит маме перепечатывать скучные статьи, а однажды она печатала ему целую книгу. Как начал ходить лет пять назад, так все и ходит. «Писучий очень», говорит мама. Так она называет тех, кто приносит заказы часто и помногу. От писучих авторов ей прямая выгода, но все равно она произносит это слово с насмешкой.

Писучий Иван Павлович все носит статьи, но Борис с Глебом давно поняли, что он приходит не только со своими писаниями. Однажды мама попросила его поставить розетку, и с тех пор он напрашивается на разные мужские работы. Даже недавно бачок в уборной чинил.

И хотя носит он статьи про экономику, целую книгу сочинил, весь он плюгавенький, лысенький, так что сам себе не соответствует: если человек учит других экономике, то и вид должен иметь процветающий – уверенным должен быть, упитанным. Правда, мама говорила, что машина у него есть. Только чаще он ее чинит.

Оттого что Иван Павлович такой плюгавенький, Борису и Глебу все-таки легче: неужели мама таким прельстится? Но подозрения остаются: что она делает, когда уходит в город? К кому заходит? С кем раздевается? Плюгавенький-то плюгавенький, а своим человеком в доме стал. Вот и на день рождения явится.

Мама заглянула снова – одетая.

– Ну, мальчики, будьте умницами! Часа через два вернусь.

А ведь может она бегать и к совсем другим заказчикам, о которых Борис и Глеб даже не догадываются. Наглым, которые одной рукой забирают перепечатанные страницы, а другой задирают Мышке платье...

И все-таки они любят оставаться одни в квартире.

Когда мама уходит, они чувствуют себя полными хозяевами. Даже если ничего особенного не делают. Обычно заходят в мамину комнату.

В маминой комнате обои желтые. После надоевшей изумрудности – приятный контраст. Мамина комната полна женских мелочей: полочки, салфеточки, фотографии в рамках. В том числе и фотография отца: бородатого мужчины, похожего на Рабиндраната Тагора. Мама когда-то рассказала, что бороду и усы она отцу всегда подстригала сама. Ну а прическу – тем более. Надо было давно снять и выбросить портрет за то, что отец бросил маму с близнецами, но мама почему-то портрет не выбрасывает.

Но самое интересное в маминой комнате – рыться в ее столе и читать письма. Потому что это занятие запретное.

Когда-то они это делали с невинным любопытством, уверенные, что у мамы не может быть от них секретов, как нет у них секретов брат от брата. Какие могут быть секреты между родными? Но однажды мама, застав их за таким интересным чтением, объяснила, что чужие письма читать нехорошо. Труднее ей было объяснить, почему ее письма – чужие. Братья усвоили только одно: что читать мамины письма надо тайно – и с тем большим усердием принялись за это занятие в мамино отсутствие. Открывая ящик стола, они чувствовали себя секретными агентами, выкрадывающими чертежи новейшей подводной лодки. Надо было заметить расположение бумаг, аккуратно вынуть новое письмо, а потом вернуть на место, чтобы мама ничего не заметила.

Они играли в агентов, но у них был и обычный интерес, вполне семейный: вдруг мама снова соберется замуж, вдруг здесь в квартире появится чужой? Они хотели бы узнать о подобной опасности заранее, чтобы попытаться защититься. Иван Павлович в этом смысле не в счет: он околачивается уже так давно, что настоящим мужем стать не сможет – мама держит его в положении полуприслуги. Но всегда грозит появиться другой!..

Под тремя уже прочитанными раньше письмами в ящике лежало четвертое – новое. И необычное!

Большой плотный конверт с английской надпечаткой в углу. Адрес тоже был написан по-английски. А под ним приписано карандашом по-русски: «Железноводская ул.» – для почтальона.

Конверт был распечатан. А внутри на бланке письмо – и тоже по-английски. Мама по-английски ничего не понимает, а они читают свободно. Мама давно решила, что очень хорошая специальность для них: сидеть дома и переводить. Потому что с первого класса несколько лет занимались английским с учительницей.

Два или три раза мама уже получала английские письма, и она давала им переводить. Ей бывало приятно убедиться, что они на это способны. А это письмо почему-то не показала. Или просто не успела? Вряд ли. Скорее, решила это письмо от них скрыть, поискать переводчика где-то на стороне. Значит, в этом письме что-то секретное!

Не колеблясь, братья принялись читать. Читать они могут вместе, держа страницу посередине – зрение у них хорошее.

Бланк с крупными буквами наверху:

Массачусетский генеральный госпиталь

– Дженерал хоспитал, – неприязненно повторил Борис. – Госпиталь ей понадобился!

– Лучше бы Дженерал моторс! – подхватил Глеб.

«Миссис Кошкарлова!

Вынужден с сожалением сообщить Вам, что операцию по разделению Ваших сыновей мы произвести не сможем. Наше мнение полностью совпадает с мнением коллег из клиники Медицинского института Санкт-Петербурга.

Вы пишете о том, что хирургия всегда риск. Но проблема состоит в том, что равный риск здоровью обоих Ваших сыновей в данном случае невозможен. Степень их неразделенности такова, что для успеха операции надо было бы заранее решить, кого из двоих оста-

вить в живых, сознательно идя на заведомую гибель второго. Это означало бы медицинское убийство и невозможно по этическим соображениям.

Не думаю, что прогресс хирургии дает надежду на проведение такой операции в близком будущем. Ваши сыновья, как мне представляется, приспособились к жизни в качестве почти общего существа, и советую Вам смириться с подобным положением вещей.

Желаю Вам всего лучшего. Преклоняюсь перед Вашим мужеством.

Профессор Уильям Рубль.»

Бывают же такие американские фамилии: Ruble. Вообще-то произносится «Рабл», но пишется буквально – Рубль.

– Разбежалась! – сказал Глеб. – Думала, в Америке все могут. Разрежут как двойное яблоко.

Им однажды попались два сросшихся яблока на одном черенке. Борька тогда взял да запустил в окно. Хорошо, никого не убил внизу.

Значит, мама все еще надеется, что ее близнецы смогут сделаться нормальными людьми! Борис подумал об этом без благодарности: настолько очевидна была несбыточность такой надежды, что лучше бы и не берeditь.

И Глеб только разозлился на маму. Конспираторша! Подарочек приготовила ко дню рождения! Думала, войдет и скажет: «Собирайтесь, мальчики, едем в Америку разделяться!» Это только амебы запросто делятся – без вредных для себя последствий.

Они вдвоем вложили письмо обратно в плотный американский конверт и аккуратно положили в ящик на прежнее место. Прикрыли тремя старыми письмами – будто и не читали.

Не трогая больше ничего в маминой комнате, братья зашагали в свою комнату. Складываясь-раскладываясь, складываясь-раскладываясь. И нечего им мечтать о свободе!

Самое лучшее занятие для них – сидеть за столом и переводить с английского. Перевести какой-нибудь роман полный приключений, в котором герой любит, дерется, побеждает, путешествует по всей планете в поисках клада или справедливости... А самим, тем временем, гулять до уборной и обратно.

– Выходит, если бы этот американский Рубль не знал заранее, кто выживет, а кто – нет, он бы взялся, – сказал Борис. – Кинуть жребий – он согласен.

– Как будто в этом разница, если так и так один выживает. Жребий или не жребий, – не то заспорил, не то согласился Глеб.

– Разница... – задумчиво промолвил Борис. – Разница...

Борис подумал, что лишние люди, случается, умирают. Даже довольно часто. И тем самым освобождают близких от своего присутствия. Умирают злые, умирают больные – и оставшимся становится легче. А если бы... если бы один из них двоих умер? Если бы Глеб умер? Пришлось бы срочно сделать операцию, чтобы освободить оставшегося в живых. Освободить его, Бориса!.. Если только возможно кому-то из них умереть одному, если только болезнь и сама смерть не перетечет с кровью и к другому, как перетекают даже настроения. И мысли тоже... А вдруг и эта мысль – перетечет?! Вдруг Глеб поймет, о чем сейчас мечтает брат?!.. Нет-нет, не мечтает – просто «проигрывает варианты»...

А Глеб подумал, что все-таки американский Рубль не сказал окончательно, что операция невозможна, он ведь пишет: «вряд ли в ближайшее время...» А вдруг изобретут в медицине такое, что можно будет запросто выпустить их с Борькой брат от брата на волю?! Ну не в следующем году, а лет через десять. Им ведь исполнится всего по двадцать семь! Может быть, очень может... Американский Рубль будет теперь думать. До маминого письма он не знал и не думал, а теперь будет думать...

– Ленка сегодня придет, – сказал Борис.

Сказал, чтобы резко переменить мысли, чтобы не перетекали к Глебу опасные мечты.

– Интересно, хахаль у нее уже есть? – мечтательно предположил Глеб.

– Само собой! В школе они только и делают, что трахаются. Когда все вместе.

Школа – это место, где все вместе. Борису и Глебу такое даже вообразить трудно. Человек сто, даже больше – и все вместе. Ходят, болтают, обнимаются.

Раза два к ним приходили ребята из школы. От них-то у Бориса и Глеба все сведения о школе, о девочках; слова, которым их не учила мама. Ленка тоже кое-что рассказывает о школьной жизни, но иначе, от нее слово «целка», например, они узнать не могли. А какое хорошее слово! Образное. Раза два или три приходили, но потом куда-то исчезли.

– А чего делать, если не трахаться? В десятых классах сейчас десять процентов целок. Которых никому трахать не захотелось.

– Ты что ли считал? – насмешливо спросил Борис.

Он и сам думал, что не может сохраняться больше целок, но его злила уверенность Глеба.

– Значит – сосчитали. Осмотр устроили – и сосчитали!

Глеб сказал – и тут же очень зримо представил себе: осмотр девочек. Так и надо их всех – осматривать! И ощупывать заодно.

Дальше говорить на эту тему не имело смысла – только себя растравлять.

Когда вернулась мама, они усердно занимались.

– Ну как вы тут без меня, мальчики?

– Нормально! – с излишней бодростью откликнулся Глеб.

Он опасался, как бы мама по их настроению не почувствовала, что они читали ответ из Дженерал хоспитал.

– Куда сбегала, Мышка? – ревниво спросил Борис.

– Куда я могу от вас бегать? Как всегда – по магазинам.

Сейчас чего-нибудь приготовлю быстренько, чтобы перекусить до гостей. Вечером будут всякие угощения, так что я вам пока немного сделаю, хорошо?

Борис предпочел бы много – и сейчас, и вечером. Они оба любят поесть, Борис даже немного больше. Но все равно толстые они одинаково: общая кровь разносит питание и все уравнивает. Может быть даже, кто-то один из них мог бы есть и пить за двоих, но второй ни за что бы не согласился сидеть рядом и только смотреть, как жует брат.

– Ленка еще когда придет, – сказал Глеб. – Опоздает, как всегда. А нам ждать.

– Хорошо-хорошо, – засмеялась мама, – сделаю полный обед. Мужчин надо кормить. Мужчинки вы мои, – и она потрепала их по головам. Правой рукой – Бориса, левой – Глеба.

Братья под мамиными руками крутили головами, а Глеб еще и старался боднуть лбом ласкающую руку.

– Лука жареного побольше, – напутствовал Борис.

После еды им захотелось спать. Они сидели за тем же столом, но перед ними лежали уже не учебники, а газеты. Они любят читать газеты, мама нарочно выписывает для них, а сама не читает. Но после еды спать хотелось больше, чем читать. Однако каждый старался не показать себя соней перед братом, каждый хотел сказать потом: «Это ты задрых, а я сидел читал», но сонная кровь переливалась из одной головы в другую, мозги затуманивались.

– Это ты заснул, – пробормотал Глеб.

У Бориса не нашлось сил заспорить.

Головы клонились, подбородки упирались в грудь.

Продремали они, наверное, около часа, Первый очнулся Борис. Как всегда после дневного сна, голову застилал тяжелый дурман. Да брат еще гнал свою дурманную кровь.

– Эй, хватит! – толкнул он щупальцем Глеба.

Так же трудно очнулся и Глеб.

– Ну что, не пришла еще? – ошалело спросил он.

– Больно быстро хочешь.

Можно было наконец приняться за газеты.

Для газет у них существует особый прием: широко разворачивают номер, и Борис читает левую полосу, а Глеб – правую. А потом тычут пальцем в самое интересное, чтобы брат быстро просмотрел самое интересное. Это у них называется «перекрестный метод».

Борис свою полосу прочитал быстро – просмотрел по диагонали, потому что там оказалось большинство экономики: пусть о ней читает противный Иван Павлович. А Глебу попала статья про мафию – и он застрял.

– Давай дальше, – дернул Борис. – Чего у тебя?

– погоди. Представляешь, он в бронированном «Мерседесе» всегда, а все равно достал снайпер – когда дверца открылась.

– От всего не предоохранишься, – философски заметил Борис. – Давай дальше!

– погоди ты, – дернул к себе и Глеб.

Они бы снова шумно заспорили как утром, но услышали звонок и разом помирились: Лена пришла!

Веселая мордочка заглянула в комнату.

– Привет, мальчики! Как ваше нерушимое единство?

Ленка совсем своя. И братья ее не стесняются. Потому она может шутить на тему их – нет, не уродства, а особенности.

– Нерушимое единство крепнет, скрепленное братскими узами! – в тон ей отрапортовал Глеб.

– Сейчас разденусь.

Она имела в виду – снимет пальто. Хотя могла бы раздеться гораздо интереснее.

Ленка снимала пальто, потому что на улице была какая-то погода. А у Бориса и Глеба пальто вообще не было. Или плаща. Хотя они знали теоретически, что плащ похож на пальто, только он еще и против дождя.

Лена вошла уже окончательно.

– Ну поздравляю, мальчишки. Вот вам от меня.

И она с лихим стуком поставила на стол две одинаковых чашки.

– А поцеловать? – потребовал Борис.

– Сейчас, мальчики!

И она, не давая им встать, забежала со спины и поцеловала Бориса в левую щеку, а Глеба в правую.

– Вот так. Ну, что новенького? Крепнут узы?

Что у них может быть новенького?

– Вот ты пришла, – сообщил Борис.

– Приехала с орехами, – добавил Глеб, глупо хихикнув.

– Какая же я новенькая? Я – старенькая.

– Совсем молодая, – серьезно заверил сестру Борис.

Не такую уж сестру – двоюродную.

– Молодая, как яблочко, – подхватил Глеб. – Как персик.

Леночка уселась на диван, обнаружив обтянутые черными чулками колени. И даже ляжки до половины, потому что уехала наверх короткая юбка. Братья развернулись вместе со стульями – примерно так же разворачивается на месте тракторный бульдозер – и оказались лицами к дивану.

– Как персик, – повторил Глеб тоном эксперта и протянул сильную правую руку к леночкиному колену.

– Да ну вас, мальчишки!

Леночка сдвинулась в сторону Бориса, но и он протянул сильную левую к ее колену.

– Чулки порвете!

Братьев охватил неведомый прежде задор. До сих пор они лишь мечтали о женщинах, доходили в своих мечтах до экстаза – но никогда не притрагивались вот так нежно и настойчиво к настоящей женщине. Хотя бы и к сестре. Да и не к сестре, а к кухне, и вообще просто к девочке, которая совсем голая под коротеньким платьем.

– Растаешь ты, что ли, если тронуть тебя? – сказал Борис.

– Будешь тронутая, только и всего! – объяснил Глеб.

И они придвинулись ближе к дивану.

– Вы прямо как наши мальчишки в классе, – засмеялась Леночка. – Те тоже руки распускают.

– А мы тоже учимся! – сказал Борис.

– Заочно, – добавил Глеб.

– Вот и трогали бы – заочно, – засмеялась Леночка.

– Трогали бы – за! – поправил Глеб.

Борис потянулся к Леночкиному боку левой рукой, Глеб – правой, и они обняли бы ее вместе, но она быстро подтянула ноги, вскочила на диван и, перешагнув через руку Бориса, ускользнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.